О брюках, подвязанных бечёвкой, о кроликах в столярной мастерской и чёрствых сердцах

На обледенелых склонах земляного вала, который в незапамятные времена надёжно охранял город, спрятавшийся в лесах и за лесами, — гурьба ребят. С визгом несутся они вниз с импровизированной горы на портфелях, сумках и просто так. Чуть зазевал — и в лужу. Насквозь промокли ботинки, которые к тому же «просят каши», на пальто — сразу видно, что не по плечу, — ни сухой нитки.

— Известно, детдомовские, — замечает прохожая, — и присмотреть-то некому за ними...

— Где же ваш воспитатель?

Курносый парнишка в сбитой набекрень шапке, придерживая длиннющие брюки, подвязанные бечёвкой, ответил за всех жестом: там, мол, в доме ищите, а не здесь...

По узенькой тропинке, накатанной до ослепительного блеска, добираемся до дома, где живут 89 мальчиков и девочек, потерявших родителей. И прежде чем открыть дверь и вторгнуться в мир ребячьих душ, задаёшь невольно себе вопрос: неужели только что виденная картина — досадное упущение, оплошность воспитателя? Нет, нет, это не может быть системой. Людям, работающим в этих стенах, доверено быть матерями, отцами всем этим Машам, Петям, Мишам, Светам, Гришам...

Мы ходим по спальням, рабочим комнатам, заглядываем на кухню, в умывальную. Заведующая учебной частью Ирина Демьяновна Алёхина (хотя она и работает недавно, но бесчисленные комиссии научили это делать) даёт пространные объяснения.

— Конечно, у нас есть ещё недостатки — я и директор Валентина Ивановна Фураева работаем совсем недавно. Тут несколько комиссий было. Указали, записали... А мы постараемся исправить...

Но когда официальная часть приёма закончилась, когда постепенно стало раскрываться то, чем живёт переславский детский дом № 94, то робкий намёк на будущее «исправление» тонет в пучине бесхозяйственности, замерзает от ледяного дыхания чёрствых сердец.

Факты — до сих пор упрямая вещь. Давайте обратимся к ним. Перед нами санитарная тетрадь — прошнурованная, скреплённая печатью и витиеватыми росписями. В ней чёрным по белому записано: «Санитарное состояние детдома неудовлетворительное. . . Постельное бельё грязное, полотенца грязные. Посуда вымыта плохо. Бельё на детях грязное, у некоторых большие ногти». Записано это в начале декабря. И вы думаете, эта запись с десятью «предлагается немедленно» что-нибудь изменила? Почти ничего. Та же грязь, те же сырые валенки в спальнях, авгиевы конюшни в тумбочках, те же дыры на простынях. Правда, старшим девочкам после более чем месячной просьбы заменили пододеяльники, которые из белых стали чуть светлее сажи. Да вместо 19 стаканов стало 89 — а то обходились так: одни пьют чай, а другие поглядывают.

Труд, направленный на обслуживание самих себя, приобретение производственных навыков — одна из основных форм воспитания человека. Поэтому кажется, что здесь, в детском доме, ребята умеют всё делать сами.

— Скажите, а кто вам чинит бельё?

— Как кто? Шефы!

**Гавристова, Л.* О брюках, подвязанных бечёвкой, о кроликах в столярной мастерской и чёрствых сердцах / Л. Гавристова, А. Трофимов // *Юность*. — 1959. — 15 января. — С. 3.

— Ну, а окна тоже шефы заклеивали? — попробовали мы пошутить.

— Конечно!

Так и ждут в детском доме «помощи» шефов — комсомольцев фабрики «Новый мир». Конечно, помощь нужна, нужна помощь повседневная, кропотливая, но не такая, какую требует администрация детского дома.

Подождите, а как же трудятся сами воспитанники? Вот столярная мастерская. Только назвать мастерской её едва ли можно. Это, пожалуй, гибрид между прачечной, сушилкой, мастерской, крольчатником, складом.

— Вот и попробуй здесь чем-нибудь заняться, — сокрушается инструктор по труду. — В таких условиях работать взрослым не под силу, а тем более детям...

Итак, речь идёт о воспитании детей. От того, как поставлено это дело, зависит, каким будет человек в будущем. Первые задатки воспитания советского человека даёт семья. А для этих детей семья — это детский дом, коллектив, преподаватели, воспитатели, весь персонал детского дома. Кстати заметим, на 89 воспитанников здесь числится 26 штатных единиц, в том числе свинарка (разве можно детям поручить ухаживать за животными!).

Мы, может быть, несколько нарушая принципы педагогики, решили задать вопрос старшим воспитанникам — комсомольцам: как вы относитесь к своим воспитателям, как они относятся к вам?

По их ответам можно судить о многом. Вот они:

— Директора мы совсем не знаем. Сидит в кабинете, и только. Хоть бы поговорила с нами по душам...

— Воспитатели младших групп занимаются лишь тем, что разыскивают «пропавшие» портфели да шапки.

— В кино бываем редко. Нас, десятиклассников, водят лишь на фильмы в духе «Алёши Птицына, вырабатывающего характер».

— Чужой нам этот дом.

Чужой дом! Резкое, но верное определение детского дома № 94. Но, что странно, об этом говорят и в Переславском райкоме комсомола.

— Пробовали кое-что сделать, — говорят нам в райкоме ВЛКСМ. — Ставили вопрос об укреплении педагогического состава, решали, слушали.

А пока воспитатели заносят в свои планы: прочитать воспитанникам младшей группы роман «Женщина в белом» (?!), остричь ногти, создать детский коллектив и так далее, и тому подобное, готовят заявления об уходе с работы «по собственному желанию». Райком же комсомола решает и совещается...

Дети! Они наша смена, они наше будущее. И поэтому работа с каждым ребёнком — дело не кампанейское, тем более, если речь идёт о тех, кто потерял своих родителей. Забота о детских домах — дело огромной важности, и пускать его на самотёк равно преступлению. Надо раз и навсегда закрыть доступ к воспитанию детей людям с ледяными сердцами.

Л. Гавристова,
А. Трофимов.